

Ю.В. Бельчич

**ЭДУАРД АНЕРТ. СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ.
(По материалам личного архива ученого)**

Бельчич Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, главный специалист Российского государственного архива экономики.

Обращение к личным архивам ныне забытых или малоизвестных широкому кругу специалистов, но в прошлом интересных, ярких личностей, позволяет порой не только восстановить штрихи к портретам, но и вернуть их имена нашей социальной памяти.

Каждая эпоха по-своему оценивает людей, которые оставили след глубокий и зачастую противоречивый. Однако прослеживается общее в их «жизни после смерти» — признание, осуждение, споры и даже легенды. Тем более, вокруг имен людей, в силу разных обстоятельств покинувших свою Родину. Хрестоматийным примером тому может служить судьба одного из первых русских исследователей Маньчжурии, доктора геологических наук, профессора Эдуарда Эдуардовича Анерта. В свое время об этом человеке ходило множество легенд — то он разведчик Советской России, то фашистской Германии, то милитаристской Японии. В жизни же он был ученым с мировым именем. Научная советская историография 30-х—40-х годов прошлого столетия весьма осторожно ссылалась на труды Анерта, но все же делала это: столь велик был его авторитет в научном мире. Жизнь крупного знатока Дальнего Востока представляет целую вереницу порой невероятных поворотов судьбы.

25 июля 1865 г. в крепости Новогеоргиевск возле Варшавы в семье потомственных военных Эдуарда Адольфовича и Иды Федоровны Анерт родился сын Эдуард. Учебу он начал в военной гимназии в Оренбурге, где в 1875 г. жила семья, а продолжил через два года в 3-ей военной гимназии уже в Петербурге, куда отец был переведен по службе.

«Переезд в блистательный Петербург, ...в город с западным колоритом, с его духовно-культурными запросами... из глухой, даже без земщины провинции, ... для меня был равносильен переселению в совершенно новый мир. Эта поездка дала мне, мальчику 12-13 лет, расширение моего кругозора и знакомства со столь отличным от России Прибалтийским миром, — его населением, стариной, природой, морем ..., с достопримечательностями и оживленностью, с его величественно спокойною Невой», — много лет спустя будет вспоминать ученый¹. С Петербургом связано в общей сложности 42 года его жизни.

После окончания в 1883 г. Александровского корпуса перед ним встал выбор — следовать семейной традиции и стать кадровым военным либо продолжить обучение в Лесном институте. Однако год спустя Эдуард, питавший «пристрастие к краеведению и естествознанию», поступил в Горный институт императрицы Екатерины II, где кроме зоологии и ботаники читался так же «близкий сердцу» курс геологии.

Институт, с его особой студенческой жизнью, сыграл существенную роль в становлении личности ученого. Здесь он слушал лекции выдающихся профессоров того времени: А.П. Карпинского, К.Д. Краевича, Н.С. Курнакова, И.В. Мушкетова и др.

В мае 1889 г. Анерт окончил институт и был зачислен по Главному горному управлению. Несмотря на возможность работать на только что отстроенном горно-металлургическом заводе бельгийского акционерного общества в Екатеринославле, двадцатичетырехлетний инженер едет работать на Мальцевские заводы в Брянскую губернию. Здесь он управляет заводом огнеупорных камней и шихты, начинает свои полевые работы, успешно производит разведки на железные руды, а в 1893 г. открывает каменный уголь в западной части Донецкого бассейна, где до этого промышленные пласты не были открыты².

В связи с новым назначением на должность лаборанта в химическую лабораторию Министерства финансов Анерт возвращается в Санкт-Петербург, где все свое свободное от службы время он отдает научной и общественной работе, связанной с Вольно-Экономическим, Географическим и Техническим обществами.

В 1895 г. Географическое общество снарядило на Дальний Восток экспедицию для проведения важнейших региональных исследований. По настоянию профессора И.В. Мушкетова Эдуард Анерт командирован старшим инженером по горно-геологическим изысканиям в район Амурской железной дороги. Следует напомнить, что дорога на Дальний Восток в то время была нелегкая и длительная, так как Сибирская железная дорога еще строилась и путь к Владивостоку сначала лежал до Одессы, а оттуда уже добирались на товарно-пассажирских пароходах «Добровольного флота» через Суэцкий канал вокруг Азии. 1 марта 1895 г. пароход «Доброволец Саратов» с геологической партией на борту вышел в море из Одесского порта. Во время путешествия, которое заняло 42 дня и оставило «много сильных впечатлений о жизни, природе, населении разных стран»³, состоялась первая встреча будущего знатока Дальнего Востока Анерта с ботаником Комаровым (позже — президентом Академии наук СССР), направленным в экспедицию для изучения живой природы. В своих воспоминаниях «Мои встречи с Владимиром Леонтьевичем Комаровым» (по исследованию Южно-Уссурийского края и Северной Кореи в 1895—1897 гг.), написанных в феврале-марте 1946 г., Э.Э. Анерт подробно рассказывал об этом почти полуторамесячном плавании, которое сблизило молодых ученых. Сойдя на сушу во Владивостоке, они вместе добрались до Хабаровска, но дальше задачи экспедиции разделили направления их поисковых партий. Вновь они встретятся только через 20 лет на III Всетихоокеанском конгрессе в Токио.

В 1896 г. происходит знакомство Э. Анерта с Маньчжурией. Этой стране, в то время практически неизведанной, он посвятил более 50 лет своей научно-исследовательской и практической деятельности.

Год спустя по поручению Географического общества и Управления по постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) Э.Э.Анерт снова едет на Дальний Восток, чтобы продолжить начатые исследования и заняться разведкой полезных ископаемых и угольных месторождений.

В течение 14 лет Э.Э. Анерт служил начальником партии по горно-геологическим исследованиям в золотопромышленных районах Сибири, Амурско-Приморском, Зейском, Алданском, Тымптомском и Бурей-Хабаровском районах. Бурил шурфы на Восточном нефтеносном побережье Сахалина, где впервые открыл и нанес на карту три залива. Производил работы в Южно-Уссурийском крае по разведке угольных, железорудных и золотоносных месторождений. Совместно с Н.Н. Бронниковым в 1901 г. открыли Чжалайнорское бурогольное месторождение.

За огромную научно-исследовательскую и практическую работу уже известный ученый избирается в 1913 г. в старшие геологи Геологического комитета (Геолком)⁴, а затем заведующим его Дальневосточной секцией. С этого же года он производил программные работы в Южно-Уссурийском крае по разведке угольных месторождений Сучанского бассейна, серебро-свинцово-цинкового месторождения Тетюхэ и других железорудных и золоторудных месторождений.

Одновременно как консультант и эксперт работает в комиссии Государственной Думы по строительству порта на Сахалине, комиссии Министерства финансов по рассмотрению проектов новых железных дорог, в Совещательной конторе российских золото- и платинопромышленников, в Институте «Поверхность и недра» — по планированию развития промышленности после войны, а также является членом комиссии Российской академии наук по изучению производительных сил России, проводит экспертные оценки месторождений от Урала и Приалтая до Южного Приморья.

Революционная буря 1917 г. застала его в Петрограде, где в то время он читал лекции по экономической географии, геологии России и Маньчжурии на специальных Гардемаринских (морских) курсах.

В конце мая 1918 г. новая власть командует его в Сибирь на летние геологические исследования. Попав в водоворот смены различных властей и правительств, Э.Э. Анерт согласился принять пост директора Горного департамента Министерства торговли и промышленности правительства адмирала Колчака. После падения Советской власти на Дальнем Востоке он вместе с Омским правительством отправился на восток в качестве заместителя Министра торговли и промышленности, назначая на местах (Иркутск, Чита, Владивосток) чинов горной администрации. Спустя год во Владивостоке его назначают членом Совета Верховного уполномоченного по делам Дальнего Востока от Министерства торговли и промышленности. «Желая сохранить приоритет русских в деле изучения страны и особенно в открытиях прикладной геологии...», в 1920 г. Анерт собрал и объединил в Геологический комитет Дальнего Востока под своим началом всех геологов, которые, как и он сам, «в силу событий 1917—1920-х гг.» оказались на Дальнем Востоке оторванными от Петрограда и Томска, где находились центральные организации их учреждений. Были определены цели и задачи новой организации. «Долг перед Родиной и Нацией обязывает нас, по мере возможности, принимая во внимание настоящее

неблагоприятное положение страны, не прерывать работы ученых учреждений в деле изучения недр, извлечения и обработки ископаемых той страны, где они находятся», — говорилось в обращении директора Геолкома Дальнего Востока Эдуарда Анерта к коллегам от 25 октября 1920 г.⁵

В 1924 г. из-за резкого конфликта с одним из вышестоящих коллег, «не обещавшим мирной работы и в будущем», он отказался от должности председателя Дальневосточного отделения Геолкома и остался в Харбине «для продолжения Мулинских и других исследований... сохранив связь с Дальневосточным отделением Геолкома в качестве внештатного сотрудника»⁶.

Работы ученого в этом регионе ценят по-прежнему высоко, что видно из письма Анерту помощника директора Геолкома ВСНХ СССР Н.Н. Тихоновича: «Ждем Вас с нетерпением, но Ваша деятельность в Маньчжурии настолько продуктивна, что я считаю нерациональным ликвидировать из-за Вашего приезда сюда всю ту работу, которая намечена Вами. Прошу, однако, по возможности ускорить Ваш приезд, так как Ваше отсутствие здесь, с деловой точки зрения, чувствуется весьма сильно во многих вопросах»⁷.

В начале июля 1928 г., выполняя работу по поручению Мулинского угольного товарищества в зоне КВЖД, Э. Анерт подвергся вооруженному нападению со стороны местного населения (хунхузов), до того времени не выражавших явной неприязни к иностранным специалистам. На первый взгляд легкое ранение в ногу и относительно быстрое его излечение впоследствии обернулись для Эдуарда Эдуардовича «катастрофой совместно с осложнениями», которая отняла у ученого много времени и средств. Он очень тяжело переживал свою «ограниченность в пространстве», но, по его признанию, любовь к работе все же помогла ему справиться с недугом. Поддерживало также внимание коллег из СССР, Германии и Америки, Японского геологического института в Дайрене. Об этом он делился в своих письмах к Н.Н. Тихоновичу⁸.

Уже после 1917 г. в Маньчжурии в полосе отчуждения КВЖД сложилось своеобразное положение многочисленной русской колонии: одна ее часть располагалась в районе самой дороги, а другая — осела в Харбине. С середины 20-х годов к ним присоединилась третья группа русских — специалисты, присланные уже советской властью для замены старых служащих на Китайско-Восточной железной дороге. С развитием политических событий в связи с громкими судебными процессами в СССР русская эмиграция постепенно перешла в статус «невозвращенцев». В конечном итоге Э.Э. Анерт стал одним из них.

30 мая 1929 г. из далекой Маньчжурии, где все более и более концентрировалась деятельность Анерта, в адрес Геологического комитета ВСНХ СССР им было отправлено письмо, в котором говорилось: «Как вам известно, в 1924 году я ушел из Дальневосточного отделения Геологического комитета, главным образом, убедившись в психологической для меня невозможности не только руководить этим коллегиальным учреждением, но и состоять членом этой коллегии...

Обстановка в СССР стала таковой, что стал возможен Шахтинский процесс. Все это делает для меня весьма тягостным продолжать пребывать по паспорту гражданином СССР, делает равным самоубийству возвращение в пределы последней...

Поэтому убедительно прошу Вас безотлагательно возбудить от Геологического комитета... вопрос о лишении меня гражданства СССР. Это будет хорошим подарком Вашим к истекающему 40-летию моего инженерства и 35-летию моей геологической работы»⁹.

Через два месяца после заявления профессора Анерта было обнародовано «Обвинительное заключение по делу о контрреволюционной и шпионской организации в Геологическом комитете ВСНХ». Если верить содержанию обвинения, то само создание Геолкома являлось продуманной преступной акцией его руководителей и сотрудников. И когда стало известно о расстрелах, заключении в концлагеря и высылках более трех десятков специалистов, проходивших по «делу Геолкома», просьба Анерта о лишении гражданства уже не вызывала удивления у коллег.

31 августа 1929 г. он обратился в канцелярию Департамента народного просвещения Особого района Восточных провинций Китая с просьбой предоставить ему право преподавания по циклу геологических и физико-географических наук в школах, институтах и других учебных заведениях этого района. При этом Анерт прилагал копию паспортной книжки, выданной Геолкомом России, выписку из сборника научных трудов к 150-летию Горного института, которые удостоверяли факт окончания вуза в Петербурге, получение звания горного инженера и геолога, ординарного профессора, а также копию «назначения почетным членом-корреспондентом Национальной геологической службы Китая»¹⁰.

Тревожная обстановка, создававшаяся в 20–30-х годах в Маньчжурии в связи с политической неразберихой, усложнила и без того непростое положение здесь эмигрантов из России. Харбинская печать тех лет призывала «русских изгнанников» сохранять нейтральное отношение к происходящему в стране, дабы не повлечь «самые печальные последствия для эмиграции, лишив их прежних симпатий и доверия...»¹¹.

В сентябре 1930 г. Э.Э. Анерт в Харбине принимает германское подданство. Этот шаг сам он объяснял «сентиментальным поводом»: его дед был выходцем из Саксонии, а единственные родственники — овдовевшая сестра и племянник, которым он помогал материально много лет, переехали из Эстонии в Берлин. Боязнь «совершенного одиночества и близости немощной старости и смерти» побудила его «при первой возможности на последние дни жизни перебраться туда же, где обосновались ... единственные близкие...»¹². Можно предположить, что на принятие решения об изменении подданства оказал и тот факт, что после разрыва отношений между Китаем и СССР именно Германское консульство приняло на себя защиту личных интересов бывших советских граждан в Харбине, который являлся своего рода форпостом на Дальнем Востоке в борьбе против Коминтерна и в этой связи представлял особый интерес для Германии.

Однако в силу разных обстоятельств он так и не смог выехать в Берлин и «застрял» на Дальнем Востоке, хотя еще в 1939 г. в одном из писем к сестре В.Е. Нифонтовой-Анерт он высказывал предположение о возможности «в этом году присоединиться к Вам на Родине предков»¹³.

В 30–40-х годах Э.Э. Анерт работает в Харбине геологом-консультантом КВЖД, Мулинского углепромышленного товарищества, Торгового дома наследников Л.Ш. Скидельского, Континентального научно-исследовательского института и его

харбинского отделения, а так же советником Геологического института Южно-Маньчжурской железной дороги, заведует экспедициями научно-исследовательского института Северной Маньчжурии.

В мае 1931 г. скромный город Харбин оказался в центре внимания палеонтологов и геологов всего мира. «Кусяньтунские раскопки», одним из руководителей которых был Анерт, вблизи города по своим результатам стали сенсационными. Найденные здесь останки доисторических животных (двурогих носорогов, пещерных тигров и медведей, гигантских размеров гиен и т.д.) позволяли судить о некогда богатой фауне Северной Маньчжурии. Но самой ценной частью находок оказались останки синантропа¹⁴. Именно «пекинский человек» «связал» творческой дружбой двух известных ученых XX века: французского монаха, философа, геолога Пьера Тейяра де Шардена и русского ученого, геолога, профессора Эдуарда Эдуардовича Анерта.

Для производства раскопок палеонтологам и антропологам важно знать геологическую структуру почвы и горных пород. П. Тейяр де Шарден в своей работе советовался с Э. Анертом. Сохранившаяся переписка между ними (за 1925—1946 гг.) позволяет судить о том, что они обменивались мнением о своей работе и, благодаря помощи русского ученого, Тейяр де Шарден предполагал найти следы ископаемого человека в Чжалайноре и местечке Шкотово под Владивостоком. Так в письме Шардена из Парижа от 16 января 1925 г. (с пометкой Анерта: «Получено в Харбине Э. Анертом 01.02.25 г.») французский ученый сообщал, что «... вернулся в Париж и занялся ископаемыми Чжалайнора, фотографии которых Вы мне прислали год тому назад. Бык с длинными рогами несомненно *Bos primigenius*, носорог с неполным черепом — *Phinoceros primigenius*...Ваши пески Чжалайнора эквивалентны пескам... Монголии (Ордос и Гоби). Следовало бы там поискать человека или, по меньшей мере, «кухонные остатки и произведения» (*outils humains*)...»¹⁵. В итоге эти научные предположения нашли свое подтверждение.

Проводя многоплановую научно-исследовательскую работу, профессор Анерт не прекращал свою педагогическую деятельность. Для учителей в Харбине, молодых специалистов, готовящихся к административной деятельности в институте Да-тун в Синьцзяне, в Токио и Осака он читал курс лекций по геологии и ресурсам Маньчжурии (1924—1936).

Вызывает уважение его многогранная научная, литературная и общественная деятельность. Профессор Анерт являлся пожизненным почетным или действительным членом почти всех научно-технических обществ России до 1917 г., и в том числе Географического, Вольно-Экономического, Минералогического, Палеонтологического. Кроме того, маститый ученый состоял членом многочисленных иностранных научных обществ, он был избран почетным членом-корреспондентом Национальной и Геологической службы Китая в Пекине, Китайского института минералогии и металлургии, Американского Географического общества в Нью-Йорке, «*Deutsche Akademie*» в Мюнхене, а также почетным доктором естествознания Кенингсберского университета. Крупный знаток Дальнего Востока был пожизненным членом общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), председателем секции геологии и физической географии, заведующим подотделом геологии этого общества, которое

было организовано и развивалось при активном участии русского ученого. Здесь же в Харбине в 1929—1944 гг. его избирали председателем Клуба естествознания и географии при Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ). Заметим, что Э.Э. Анерт также был членом Международного комитета по геологическому изучению хребтов, окружающих Тихий океан, Национальной организации исследователей пржевальцев, Общества русских инженеров в Харбине. Еще с 1902 г. Анерт был сотрудником «Geologisches Zentralblatt», рецензирует геологические работы по Дальнему Востоку, а с 1939 г. активно работал в «Geologische Jahresberichte»¹⁶.

В 1928—1941 гг. Э. Анерт был делегатом Всероссийских съездов по прикладной геологии, маркшейдерскому делу и золотопромышленности, I съезда по изучению Уссурийского края, геологических съездов Китая и Маньчжурии, а также международных географических, геологических конгрессов в Вашингтоне, Париже, Сан-Франциско, Токио.

В 1939 г. научная общественность Харбина широко отметила 50-летие научно-исследовательской и практической деятельности известного ученого. Высказать слова признательности собрались многочисленные представители русских научных организаций, ХСМЛ, Германской колонии. Все отмечали редкую трудоспособность юбиляра, его знания и энергию, ценность для науки его многочисленных трудов.

Достаточно сказать, что им опубликовано более 130 работ по географии, геологии и горному делу русского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии за 1897—1945 гг.¹⁷ Авторитетность трудов одного из первых русских исследователей Дальнего Востока ярко подтверждается тем, что большинство из них были переведены на иностранные языки и изданы в Германии, Голландии, Китае, Маньчжурии, США, Франции и Японии. За свою работу «Путешествия по Маньчжурии» (1904) он был награжден Русским Географическим обществом большой медалью им. М.Н. Пржевальского.

В конце 30-х годов русский ученый в сотрудничестве с японскими геологами работал над составлением «Горно-геологического словаря» на русском и японском языках. Особо следует сказать о его работе над русско-немецко-английско-японским словарем научных и технических терминов по геологии, физической географии, минералогии, петрографии, геофизике, геохимии, частью по горному делу и другим соприкасающимся отраслям знания и техники.

Анерта обвиняли в том, что он работал на недружелюбную СССР Японию. Как отмечал сам Эдуард Эдуардович, все годы с 1932 по 1945 г. ему действительно пришлось составлять ряд обзорных работ по литературным источникам, преимущественно советским и своим личным, из которых многие по горно-геологическим темам касались Маньчжурии, Дальнего Востока и Восточной Сибири. «Что касается этих последних тем, — читаем в его дневнике, — то хоть они может быть были порождены мечтой (Японии. — Прим. авт.) расширения территории, их захвата до Байкала и дальше, но даже большинство вполне интеллигентных японцев относились к этой мечте со страхом, видимо считая ее абсурдной, и я весьма сомневаюсь, чтобы кто из русских, вообще знающих край и людей, не японцев, допускал возможность даже частичного осуществления этих вожелений. Поэтому и я, работая по этим темам,

делал это со спокойной совестью, будучи вполне уверен, что работа моя пойдет на пользу прежде всего России, ныне СССР, а затем — науке вообще»¹⁸.

В 1945 г. после поражения Германии и ее союзника на Дальнем Востоке — Японии, не имея сведений из Берлина от родных, восьмидесятилетний ученый принимает решение вернуться в СССР. Известно, что 11 декабря 1945 г. Э.Э. Анерт был принят в Генеральном консульстве СССР в Харбине, где высказал желание о возвращении утраченного им советского гражданства. А через неделю подал Генеральному консулу письменное заявление, в котором говорилось: «... ныне на Западе меня никто не ждет, ибо едва ли кто из немногих близких уцелел. Лишь в СССР реально есть близкие по духу и работе коллеги, которые, как мне стало известно, по многим посещениям меня геологами, гидрологами, инженерами и пр., пришедших сюда с Армией, еще дружески и с уважением ко мне относятся. По сему мне место — среди них»¹⁹.

Известному дальневосточному геологу И.И. Берсеневу, который посетил Э.Э. Анерта в 1945 г. «в пыльном, чужом Харбине», ученый запомнился большим одиноким стариком без средств к существованию²⁰. Вполне возможно, их первая встреча произошла в библиотеке при доме Красной Армии, сотрудником которой Анерт был в сентябре 1945 г.²¹

К сожалению, документов о восстановлении гражданства СССР Эдуарду Эдуардовичу Анерту пока обнаружить не удалось. Одно ясно, что в Россию он не вернулся, не успел ...

Неутомимый путешественник и исследователь Дальнего Востока и Восточной Азии, Эдуард Эдуардович Анерт умер 25 декабря 1946 г. Дату его смерти на основании собранных свидетельских показаний сообщил Генеральный консул СССР в Харбине Г.С. Трефилов в сентябре 1958 г.²² Дальнейшая судьба родственников ученого в Германии также не известна.

Личный архив ученого был перевезен из Харбина в Москву и с 1958 г. хранился в архиве внешней политики МИД СССР. В 1987 г. был передан на государственное хранение в РГАЭ, и с 1993 г. после научно-технической обработки главным специалистом РГАЭ И.И. Дроздовским личный фонд (№732) доступен для исследователей. Более 10 тыс. документов этого фонда дают представление о жизненных перипетиях, об обширной и многогранной научно-исследовательской, служебной, литературной и общественной деятельности ученого за 1869—1946 гг. Появилась возможность изучить реальную биографию, увидеть личную трагедию ученого, отместить досужие вымыслы.

Основная часть документов его творческой деятельности на русском языке, имеются так же документы на английском, китайском, немецком и японском языках. Здесь отложились порядка тридцати работ, опубликованных ученым в разные годы по геологии русского Дальнего Востока, Сибири и СССР, Северной Маньчжурии. Ряд работ находится в рукописях.

В 1941 г. в одном из номеров газеты «Заря» (Харбин) сообщался интересный факт. Японские ученые обратились к широко известному исследователю с предложением написать свои воспоминания о путешествиях по Маньчжурии для последующего издания их в Японии. Э.Э. Анерт дал согласие²³. Мы знаем, слово он сдержал, так как рукопись воспоминаний, насыщенных интересными фактами жизни

за 1895—1942 гг. — «Мои Маньчжурские переживания периодов исследований в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке...», находится в его личном фонде. К сожалению, нет уверенности в публикации этих воспоминаний в Японии.

В документах служебной деятельности профессора Анерта за 1896—1946 гг. содержится информация о его работе геологом-консультантом на русском Дальнем Востоке и в Северной Маньчжурии, КВЖД и Южно-Маньчжурской ЖД, председателем Дальневосточного отделения Геолкома, старшим геологом Геолкома ВСНХ СССР, его работе заведующим научными экспедициями научно-исследовательского института Северной Маньчжурии, зав. отделом геологии Музея при Харбинском научно-исследовательском институте, председателем Академического совета и преподавателем Первых горно-химических курсов в Харбине, председателем Клуба естествознания и географии ХСМЛ и т.д.

Обширная переписка Э.Э. Анерта дает представление об участии в международных геологических и географических конгрессах (1920—1937), включает письма русских, советских и зарубежных ученых из Австралии, Германии, Голландии, Маньчжурии, Китая, Норвегии, Польши, США, Франции, Швеции, Японии. Среди русских коллег Э.Э. Анерта, которые внесли значительный вклад в географическое и геологическое исследование России, но по тем или иным причинам оказались в эмиграции — академик Н.И. Андрусов, К.И. Богданович, проф. П.П. Гудков, М.К. Елиашефич, И.А. Корзухин, Т.М. Стадниченко, А.А. Стоянов, И.П. Толмачев и др. Анерт писал Н.К. Рериху об организации охраны памятников старины и природы в Маньчжурии.

В целом документы личного фонда №732 позволяют сделать вывод, что имена русских ученых, волею судеб оставшихся в эмиграции и работавших там во славу науки, еще ждут своих историков. Насколько значительна была их роль, видно на примере многоплановой деятельности профессора Эдуарда Эдуардовича Анерта.

Примечания

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Ф. 732, Оп. 1, Д.

2. Там же ЛЛ. 9, 17—19.

3. Там же. Л. 21.

4. Звание, приравненное к званию профессора в высших учебных заведениях.

5. РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1, Д. 65, Л. 18.

6. Там же. Оп. 1, Д. 56, Л. 137.

7. Там же. Д. 125, Л. 17.

8. Там же. Д. 125, Л. 15—16 об.

9. Там же. Д. 125. Л. 76. Предназначалось это письмо директору Геолкома проф. Д.И. Мушкетову, его помощнику Н.Н. Тихоновичу, известному геологу А.Н. Криштофовичу, а также директору Московского геолкома И.М. Губкину.

10. Там же. Д. 182, Л. 4.

11. Там же. Д. 184. Л. 13. Газета «Рупор», № 33, 17 февраля 1941 г.

12. Там же. Д. 182, ЛЛ. 154—163.

13. Там же. Д. 186, Л. 92.

14. Там же. Д. 195, ЛЛ. 88, 90.

15. Там же. Д. 163, Л. 2—4.

16. Там же. Д. 182, ЛЛ. 24, 146 об.

17. Там же Д. 195, ЛЛ. 128, 130, 245; см.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930—1940 гг.), вып. 2, ч. 1, изд-е Русского научного института. Белград. — С. 23—27.

18. РГАЭ, Ф. 732, Д. 56, Л. 158.

19. Там же Д. 182, ЛЛ. 154, 164.

20. См.: Дроков С.В. «Чужестранец» (Алфавит) № 48, 2000, с. 34

21. РГАЭ. Ф. 732, Оп. 1, Д. 182, Л. 150.

22. РГАЭ. Ф. 732. Д. 195, Л. 354.

23. Там же. Л. 131.